

Глава 3. Навлеченная беда

—

На следующее утро матушка Ли быстрыми шагами пересекла галерею и вошла в главный дом.

В это время Цзян-ши только-только поднялась. Она сидела перед туалетным столиком, пока служанка помогала ей умыться и прополоскать рот.

Прошлой ночью она долго засиделась в кладовой, пересчитывая присланные семьей У свадебные дары, поэтому легла поздно. Сон её был сладок: ей приснилось, как старший сын получил должность в уездной управе, оттого и проснулась она сегодня не рано.

Матушка Ли чуть подалась вперед и обратилась к Цзян-ши:

— От семьи У прислали весточку. Говорят, хотят пригласить Жуй-гера к себе в гости поразвлечься. Они купили оленины и собираются устроить весенний пир.

Услышав это, Цзян-ши нахмурила тонкие брови. Этот старый лис У и впрямь ни минуты не хочет медлить со своими затеями. Она выплюнула воду для полоскания в плевательницу и приняла полотенце, чтобы промокнуть губы.

— Только на днях прислали подарки, а уже требуют, чтобы человек явился к ним на порог. Будто боятся, что он сбежит. Какая спешка!

Матушка Ли тоже знала о сомнительной славе купца У, поэтому, видя настрой хозяйки, поддакнула:

— В конце концов, это купеческая семья, манер у них немного, приличий соблюдать не умеют.

Цзян-ши ничего не ответила. Она отложила полотенце и сменила тему:

— В мирные времена нравы стали открытыми. Раз уж и сваты заходили, и дары приняты, сходить в гости и пообщаться — в этом нет ничего такого.

Договорив, она посмотрела на матушку Ли:

— Ступай, передай им ответ, а заодно скажи Жуй-геру, пусть прихорашивается и собирается.

Матушка Ли слегка опешила, но подчинилась и вышла из комнаты.

Спустя некоторое время, когда Цзян-ши уже закончила туалет и аккуратно оделась, послышались торопливые шаги. В комнату вбежала матушка Ли, тяжело дыша и держась за поясницу.

Цзян-ши взглянула на неё:

— Будто призраки за тобой гонятся.

Матушка Ли, не заботясь о том, что её слова прозвучат странно, выпалила:

— Жуй-гер исчез!

Цзян-ши, однако, не спешила волноваться:

— Такой взрослый человек — куда он мог деться?

Видя, что хозяйка не воспринимает это всерьез, матушка Ли поспешно объяснила:

— Жуй-гер обычно встает рано. Сейчас уже время позднее, а я пришла к нему — дверь заперта. Постучала — никто не ответил. Толкнула дверь, вошла — а в комнате ни души!

Цзян-ши решила, что матушка Ли делает из мухи слона:

— Может, на кухню пошел.

Но матушка Ли всплеснула руками:

— Госпожа, разве я прибежала бы к вам с такой тревогой, если бы сначала не спросила везде? Я весь дом обошла — Жуй-гера нигде нет! Спросила старика Вана у ворот, так он тоже говорит, что не видел, чтобы гер выходил!

Только тогда брови Цзян-ши сошлись на переносице. Они одна за другой поспешно направились к комнате Шужуя. Комната была пуста — и впрямь никого!

Цзян-ши тут же велела созвать всех слуг. После повального допроса выяснилось, что сегодня Шужуй никто не видел. Последний раз его встречали вчера вечером.

В сердце Цзян-ши закралась паника. Она велела матушке Ли перерыть всю комнату. Прибранное помещение вмиг превратилось в хаос. Шкафы распахнуты, постель перевернута — всё было пусто. Кроме книг, все ценные вещи и предметы, которыми постоянно пользовался Шужуй, исчезли. Пропал даже тот сундук, с которым он когда-то пришел в дом Бай.

Какой бы глупой ни была Цзян-ши, она поняла: Цзи Шужуй сбежал!

В груди у неё защемило, в глазах потемнело, голова пошла кругом. Не в силах стоять, она рухнула на стул.

— Этот негодный гер... как он посмел сбежать!

Матушка Ли поспешно подхватила Цзян-ши, поглаживая её по груди, чтобы успокоить дыхание:

— У Жуй-гера нет родственников, на которых он мог бы опереться, и идти ему некуда. Молодой гер, верно, далеко не уйдет. Может, в городе спрятался. Госпожа, скорее распорядитесь отправить людей, за несколько часов его точно отыщут.

Цзян-ши немного пришла в себя. Слова матушки Ли показались ей разумными. Она, преодолевая слабость, разослала людей: одних — искать Шужуя, других — к семье У с отказом на приглашение.

— Какой хитрый гер! При мне притворялся послушным и воспитанным, делал вид, что готовится к свадьбе, а на деле у него, оказывается, два лица! Выманил у меня серебро — и всё ради этого дня! Вот поймаю его, за побоями дело не станет, запрю в сарае и буду морить голодом дня три-пять!

Цзян-ши чувствовала себя обманутой, она была и зла, и раздосадована. В глубине души рос страх: если человека не найдут, как ей отчитываться перед семьей У? Если бы он не был ей нужен для дела, она бы и глазом не моргнула, сгинь он где-нибудь снаружи — на три порции

еды каждый день меньше тратить. Но беда в том, что именно он должен был выйти замуж.

Однако пока люди Цзян-ши, подобно безголовым мухам, бестолково метались по соседнему городу, Шужуй уже миновал его и добрался до уездного города.

Путешествуя ночью, Шужуй закутался так плотно, что видны были только его черные, блестящие глаза. Несмотря на это, ночной воздух конца четвертого месяца всё еще был холодным, особенно на дорогах у моря. Когда дул морской бриз, тело пробирала дрожь.

Добравшись до уездного города, когда уже рассвело, Шужуй слез с повозки и съел у уличного торговца миску горячего мясного супа. Только тогда он почувствовал, как жизнь возвращается в его тело.

Покончив с едой, он не смел медлить и отправился искать возницу, которого заранее присмотрел через посредника в соседнем городе, чтобы тот отвез его в столицу префектуры.

Ему хотелось бы, чтобы тот же возница, что привез его в уезд, ехал и дальше. Тот человек был очень порядочным: всё внимание уделял дороге, лишнего не спрашивал и не говорил. Шужую нравились такие люди. Но тот был простым перевозчиком товаров, а не профессиональным сопровождающим, и Шужую просто повезло нанять его по дешевке.

Заранее нанятые люди должны были сопровождать его только до столицы префектуры. Путь из префектуры Цзичжоу в префектуру Чаоси придется планировать уже на месте.

Впрочем, добравшись до столицы префектуры, он мог уже не так сильно паниковать. Это был огромный, процветающий город — найти там человека непросто. Даже если тётушка попросит семью У о помощи, какими бы связями те ни обладали, им придется попотеть. Размышляя об этом, он нашел повозку и снова тронулся в путь.

Повозка катилась в сторону Цзичжоу. К полудню солнце поднялось высоко. Шужуй, надев соломенную шляпу от солнца, сидел в задней части телеги. Он взглянул на старого возницу, правившего ослом. За два часа пути он уже не раз замечал, как тот украдкой его разглядывает.

— Почти пятый месяц, а днем на солнце и впрямь припекает, — игриво заметил старый возница. — Гер так плотно закутался, неужто не жарко?

Шужуй заподозрил, что этот старый сопровождающий — личность не самая благонадежная. Пока тот заводил разговор, Шужуй, сощурив глаза, поправил головной платок и жеманно произнес:

— Я — одинокий гер, ни отца, ни братьев, ни друзей рядом нет. Один-одинешенек еду домой, как тут на сердце будет спокойно? Хоть и нет при мне богатств, на которые могли бы позариться лихие люди, но я ведь в самом расцвете сил. Если не закутаться поплотнее, что будет, если на меня всякие похотливые мужчины засмотрятся?

Старому вознице это пришлось по душе, он с ухмылкой спросил:

— Как же семья отпустила тебя одного в дорогу? Откуда ты родом?

— Еду в Цзичжоу, дом мой, вестимо, там же. Всё из-за сестры моего маленького папы, моей тетушки, стало быть. Вышла она замуж в эти края, в уезд Гань. Прислала в начале года весточку маленькому папе, мол, нашла мне партию из хорошей семьи. Прodelал я путь в такую даль, а кто ж знал, что тот парень окажется с таким скверным характером — спрятался и не

пожелал выйти показаться. Зря я только тащился в такую даль!

Говоря это, Шужуй гневно запричитал:

— Что за человек! Ни капли нет в нем смелости, какая бывает у женщин или геров. Если бы я и впрямь пошел за него, то доброй жизни бы точно не увидел! ...Хотя, с другой стороны, я мельком его увидел: высокий, статный, и лицом вроде бы вышел. Эх, видать, нет у него удачи, раз не сложилось у него со мной судьбы...

Старый сопровождающий опешил и снова покосился на Шужуя. Он сказал:

— Как же бывают такие мужчины, что своего счастья не видят! — он прищурился. — Гер правду говорит: нет у него удачи, а достойный человек всегда найдется позже~

— Я тоже так мыслю. Я ведь гер хоть куда, неужто не найду себе пары?

Проговорив какое-то время, Шужуй поправил соломенную шляпу, будто ему стало совсем неважно от жары. Он машинально хотел снять её, но снова посмотрел на возницу.

Старый сопровождающий снова усмехнулся:

— В мирные времена на официальных дорогах всё спокойно, гер может не беспокоиться.

Услышав это, Шужуй, следуя его словам, решил прощупать почву:

— Старик правду говорит: в мирные времена везде есть выход. Не всем быть чиновниками, крестьянам или торговцам тоже можно прожить. А если есть ремесло в руках и вести дела с умом — и вовсе жизнь будет хороша. Даже если нет ремесла, честным трудом и силой можно прокормить семью. Мы, простые люди, живем в мире и покое, нам незачем нарушать законы. А если у кого и закрадется воровская мыслишка, стоит подумать о наказаниях в управе. В мирные времена за нарушение закона бьют палками куда сильнее, чем в смуту. Наказания суровые — в лучшем случае палки, в худшем — тюрьма.

Старый возница подумал, что этот гер больно бойкий на язык и знает немало. Пока он пребывал в раздумьях, гер, казалось, убедил сам себя, снял соломенную шляпу, а затем развязал головной платок, в который была замотана большая часть лица.

В тот же миг показалось лицо, будто испачканное соком горечавки вперемешку с грязью. Мало того что кожа была желтушно-черной, так еще под глазами на скулах проступило множество веснушек, а над губой красовалась довольно крупная бородавка.

Старик бросил лишь один взгляд и молча отвернулся, дважды сильно стегнув осла по крупу.

«Что за урод! Столько кривляний!» — выругался он про себя.

А ведь только что, слушая его голос, он думал, что это молодой гер, и прикидывал, не сосватать ли его своему сыну, который еще не обручен. Видать, Юэ-гун* был слишком занят и не стал вязать эту нить.

[*Юэ-гун (Юэ) или Юэ-лао (Юэ) — божество в китайской мифологии, которое связывает мужчину и женщину невидимой красной нитью (Юэ), предопределяя их брак.]

Шужуй украдкой наблюдал за возницей, чье лицо так сильно напряглось. Видя это, он не мог

не улыбнуться в душе. Мужчины в этом мире по большей части существа поверхностные. Одной невзрачной внешности достаточно, чтобы избавить женщину или гера от множества хлопот.

Почувствовав ветерок, он ощутил прохладу. Обмахивая себя соломенной шляпой, он решил немного поиграть. Всегда мужчины любили подшучивать над женщинами и герами, а сегодня и он ответит душой.

Шужуй придвинулся чуть ближе к передней части повозки:

— Старик, ты сказал, что моё счастье еще впереди. Я вот смотрю: и глаза у тебя на месте, и брови как надо — в молодости ты, должно быть, был красавцем. Ты сам-то из уезда Гань? Сколько человек в твоей семье?

Старый возница сразу понял, к чему клонит этот гер. Его лицо потемнело, и он сквозь зубы выдавил:

— Я всего лишь старый холостяк, нет у меня ни детей, ни плетей.

Шужуй, услышав это, притворился разочарованным:

— Какая жалость.

До столицы префектуры Цзичжоу они добрались спустя три дня. Старый сопровождающий считал Шужуя уродом, да еще и лишенным всякой скромности, так что дорога прошла вполне спокойно.

Благополучно добравшись до города, Шужуй слегка выдохнул. Он нашел постоянный двор, чтобы остановиться, и крепко проспал всю ночь.

Дальше он планировал купить собственного осла и самому править повозкой до Чаоси.

В последние годы в стране царил мир, жизнь людей стала богаче, скота разводили много. Коровы и лошади уже не были такими редкими, как раньше, но всё же и дешевыми их назвать было нельзя — за хорошего осла пришлось бы отдать немало, а если еще и телегу справить — выйдет все двенадцать-тринадцать гуаней.

Это были немалые расходы, но Шужуй всё рассчитал: когда он доберется до Чаоси, если он захочет открыть небольшое дело, скотина для перевозки товаров ему точно понадобится. А если она ему не пригодится, он всегда сможет её перепродать и вернуть деньги. Сделка была не в убыток.

Беспокоило его только одно: хоть в доме Бай он часто кормил осла и умел отличить хорошую скотину от плохой, опыта в управлении повозкой у него было мало. Он практиковался всего несколько раз — хватало смелости заставить животное идти, но в дальний путь он еще не пускался.

Однако, если не править самому, придется снова искать возницу. Путь из Цзичжоу в Чаоси займет не меньше десяти дней. Если повезет найти честного и надежного человека — хорошо, а если попадется негодяй, не факт, что получится каждый раз выкрутиться. За те три дня пути до Цзичжоу он, прикидываясь бесстыдником, сумел справиться со стариком-сопровождающим, но в душе всё равно было тревожно, и он постоянно был в напряжении.

Сравнив два варианта, он решил, что ему приятнее иметь дело со скотиной, чем с человеческим коварством.

Придя к такому выводу, на следующий день Шужуй, по рекомендации слуги с постоянного двора, отправился на конный рынок, где купил осла и телегу. После долгих споров и торгов всё вместе обошлось ему в девять гуаней и восемьсот вэней, что вполне укладывалось в его бюджет.

Подготовив транспорт, Шужуй закупил провизии в дорогу. Он не смел надолго задерживаться в Цзичжоу — не потому, что боялся погони из семьи Бай, а потому, что денег у него было немного, и тратить их без дохода в таком дорогом месте было тревожно.

Еще через день Шужуй встал пораньше и, пока на улицах было мало людей, осторожно выехал за ворота.

Утренний воздух был свеж, он вел повозку медленно. Ветер мягко дул в лицо — это было даже приятно.

Но Шужуй недолго наслаждался спокойствием. Стоило ему немного освоиться с вожжами и только-только расслабиться, как крепкий и здоровый осел вдруг заупрямился и перестал шагать. Увидев у края дороги сочную зеленую траву, он вывернул шею, желая подкрепиться.

Шужуй несколько раз дернул за вожжи, но это не помогло. Осел заупрямился и наотрез отказался идти, отчего у Шужуя на лбу выступил пот. Он разозлился, выхватил хлыст и стегнул осла по крупу.

— И-а! — осел почувствовал боль и внезапно сорвался в галоп.

— Стой! Тпру-у-у! Стой!

Ветер со свистом бил Шужую в лицо. Сердце ушло в пятки, он изо всех сил натянул вожжи, но упрямый осел, будто назло, побежал еще быстрее.

Впереди был крутой поворот. Одно колесо повозки внезапно повисло в воздухе на добрых три-четыре цуня*, и всё тело Шужуя опасно накренилось. Бешено колотящееся сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Внезапно он мельком увидел на повороте какую-то темную тень, и не успел он ничего разобрать, как раздался глухой удар. Шужуй почувствовал сильное сопротивление, и осел наконец остановился.

[*Цунь — это традиционная китайская мера длины, один цунь равен 1/30 метра или примерно 3,33 см.]

Однако на ровной дороге неподвижно лежал мужчина!

В ушах у Шужуя зазвенело, а в глазах потемнело.

—